

Он загодя попытался расположить к себе си-фэй, дабы доказать собственную надежность и убедить ее отклонить приглашение Императора отправиться в поездку.

Для наложницы сделать подобное было невероятно сложно.

Милость государя стоила слишком дорого, и ни одна женщина в заднем дворце не посмела бы отвергнуть такую исключительную благосклонность. Пренебречь мнением Императора означало проявить вопиющую неблагодарность.

Когда седьмой принц закончил свой рассказ, си-фэй была растрогана до глубины души.

Лу Цзыяо поведал о том, как в последнее время направлял и воспитывал седьмого принца, и отношение си-фэй к нему заметно смягчилось. Однако в ее взгляде по-прежнему проскальзывали настороженность и разочарование.

Лу Цзыяо не понимал причин, но раздумывать было некогда. Действуя по заранее намеченному плану, он выбрал удачный момент и спросил:

— Ваше высочество тоже сопровождаете Императора в поездке в Башу?

Взгляд си-фэй мгновенно подобрался, и она недоверчиво уставилась на Лу Цзыяо:

— Император отправляется в Башу? Кто тебе об этом сказал?

— Старший дядя рассказывал, когда обедал с моим отцом, — Лу Цзыяо притворно-беззаботно улыбнулся. — Я тоже хотел бы съездить в Башу поиграть, но старший дядя сказал, что если я поеду вместе с матушкой-наложницей си-фэй, то сам попаду в расставленные сети. Ваше высочество, а что значит «попасть в сети»? Разве в Башу есть такое место?

Лицо си-фэй исказилось от изумления.

Ее прекрасные, но настороженные глаза пристально вглядывались в Лу Цзыяо. Лишь спустя некоторое время она опомнилась и тихо спросила:

— Твой старший дядя сказал, что мое сопровождение Его Величества в поездке в Башу — это заманивание себя в ловушку? Почему?

Лу Цзыяо лишь пожал плечами, показывая, что не знает.

На некоторое время воцарилось молчание.

Затем взгляд си-фэй резко потемнел от гнева:

— Превосходно! В заднем дворце и впрямь полно талантливых людей, раз даже малолетнее дитя обладает такой глубокой хитростью!

Лу Цзыяо внутри содрогнулся, но внешне изо всех сил старался сохранить недоуменный вид:

— Хитростью?

Си-фэй холодно усмехнулась:

— Нечего притворяться! Скажи прямо: Императрица узнала про намерение Его Величества отправиться в поездку? Это Императрица велела тебе пригрозить мне, чтобы я не смела

сопровождать государя? Что ж, ступай и передай ей: я точно поеду!

Лу Цзыяо остолбенел.

О чем говорит си-фэй?

Императрица?

Как Императрица могла приказать ему что-то делать? Он ведь даже первого принца ни разу не видел!

— Ваше высочество? — На этот раз Лу Цзыяо окончательно растерялся и в поспешности поднялся с места. — Я совершенно не понимаю, о чем вы говорите. Я совершил какую-то ошибку и разозлил вас?

Си-фэй отвернулась и тихо проговорила:

— Это я дура... Меня обманывали раз за разом, а я все равно верила, будто в этом заднем дворце возможна бескорыстная доброта.

Лу Цзыяо нахмурился и, пренебрегая приличиями, уставился прямо на си-фэй:

— Лу Цзыяо клянется перед небесами, что ни разу не предал доверия вашего высочества!

— Чего стоят клятвы в заднем дворце? — Си-фэй поднялась и отошла в сторону, с безысходной горечью произнесла: — Ты все же однажды помог мне, так что я не стану усложнять тебе жизнь. Как только Седьмой найдет подходящего нового маленького компаньона, возвращайся к своему хозяину.

Слова си-фэй прозвучали для Лу Цзыяо как гром среди ясного неба. Пораженный до глубины души, он уставился на нее, и вся его обычно красноречивая речь словно испарилась. Он хрипло вымолвил:

— Ваше высочество! Я предан вам и его высочеству всем сердцем! Характер и привычки его высочества еще не исправлены до конца, я не могу вот так просто все бросить!

Выражение лица си-фэй оставалось непреклонным, она ничего не ответила.

Лу Цзыяо охватила еще большая паника — все произошло слишком стремительно.

Он хотел избавить си-фэй и ее сына от трагического будущего, а попутно найти способ досрочно свернуть план Императора по строительству Шуского тракта, спасая тем самым простых людей от страданий.

Но не успел его план даже начаться, как он столкнулся с полнейшим непониманием со стороны си-фэй.

С какой стати ему действовать по указке Императрицы?!

Кто знает, какой подлец возвел на него наклеп за его спиной!

Полный тревоги, Лу Цзыяо повернул голову и посмотрел на седьмого принца, сидевшего у стола.

Седьмой принц не понимал сути их разговора, но словно почувствовал неладное. На этот раз он отложил свои игрушки и, широко распахнув глаза, беспокойно переводил взгляд с матушки-наложницы на Лу Цзыяо.

Седьмой принц подумал, будто матушка-наложница расстроилась из-за того, что его история оказалась неинтересной, и нервно произнес, обращаясь к си-фэй:

— Господин расскажет тебе «Хоу И сбивает солнца» еще раз?

Си-фэй: «...»

Лу Цзыяо: «...»

Пропали! Сказал «господин» — и сразу выдал себя с потрохами!

Зачем этот пухлый малыш ни с того ни с сего решил добавить себе отсебятины?!

Какого еще Хоу И, чтоб тебя!

Однако...

Это неожиданное возвращение к своей истинной натуре настолько рассмешило си-фэй, что напряжение спало.

Служанки, еще мгновение назад смотревшие на гостя с враждебностью, теперь дружно опустили головы, прикрывая рты руками и едва сдерживая смех.

Все мысли Лу Цзыяо окончательно смешались из-за проделки седьмого принца!

Си-фэй больше не дала ему возможности объясниться и велела служанкам выпроводить гостя.

Вернувшись в усадьбу, Лу Цзыяо не мог уснуть всю ночь, ворочался с боку на бок, переживая целую гамму чувств.

То в нем закипала досада: «Да я и сам не хочу вмешиваться в ваши беды, ухожу — и отлично!», то перед глазами возникало пухлое личико принца, похожее на кругленькую булочку, и сердце сжималось от тоски и жалости.

Почему си-фэй вдруг решила, будто он подослан Императрицей?

Кто же за всем этим стоит?

Если призадуматься, из-за истории с разоблачением ароматического мешочка он перешел дорогу тун-фэй.

Вполне вероятно, именно тун-фэй решила вставить палки в колеса и посеять между ними раздор.

Но ведь си-фэй уже узрела истинное лицо тун-фэй, почему же она по-прежнему верит ее клевете?

Лу Цзыяо перевернулся и, нахмурившись, уставился в потолок — голова уже раскалывалась от размышлений.

Точно!

Лу Цзыяо резко сел на кровати.

Раз тун-фэй узнала о саше, значит, рядом с си-фэй есть предатель.

Не могла ли тун-фэй подослать этого предателя, чтобы тот посеял вражду?

Лу Цзыяо не был уверен до конца.

Зачем такой влиятельной особе, как тун-фэй, цепляться к восьмилетнему ребенку?

Он прекрасно понимал, что не тянет на роль ее соперника.

Но как бы то ни было, одно было ясно: человек, оклеветавший его перед си-фэй, на восемьдесят процентов являлся предателем тун-фэй.

Проблема заключалась в том, что си-фэй совсем ему не верила. Даже если бы он узнал имя предателя, сделать ничего бы не смог.

Си-фэй намеревалась сменить маленького компаньона седьмому принцу, а в очереди на это место стояла целая толпа сыновей знатных семей.

Учитывая время на отбор и смотры, Лу Цзыяо оставалось быть рядом с седьмым принцем от силы два-три дня.

Бессильный что-либо изменить, Лу Цзыяо закрыл глаза и снова лег на кровать.

Будет решать проблемы по мере их поступления.

Сделать все, что от него зависит — вот и все. Требовать от си-фэй доверия к чужому человеку и впрямь было бы слишком.

Если будущему седьмому принца суждено быть тернистым, значит, такова воля судьбы.

*

В последние два или три дня рядом с седьмым принцем Лу Цзыяо казался переполненным несказанными словами.

Ему хотелось сказать пухлому малышу: «Сколько бы злодеев тебе ни встретилось в будущем, никогда не забывай: Лу Сяо любит тебя, пятый любит тебя, матушка-наложница си-фэй и старший брат — все любят седьмого принца.

Если наступит день, когда твоему высочеству придется запереть свое сердце, чтобы защититься от невзгод и бурь, обязательно помни: настанет момент снова его распахнуть. Тучи обязательно рассеются, и солнце вновь осветит твое личико-булочку. Не запечатывай свое сердце навсегда, слышишь, пухлый малыш?»

Но какой толк от этих пустых утешений?

Он действительно ничем не мог помочь.

Когда маленький Лу Цянь в будущем начнет терпеть насмешки и издевательства, у

«глупенького Лу Цзыяо» даже не будет возможности обнять его или потискать за пухлые щечки.

Лу Цзыяо не считал себя чересчур добрым или отзывчивым человеком, но даже оказавшись в такой ситуации, никак не мог отпустить ситуацию.

Должно быть, именно дети вызывают наибольшее беспокойство.

Ему невероятно не хотелось, чтобы этот маленький любитель покушать и поспать, охотно подставлявший щечки для тисканья, в конце превратился в того зверски холодного и жестокого князя Нина из книги.

Седьмой принц послушно сидел на стуле, молча смотря на Лу Цзыяо.

— Ваше высочество выпьет молока? — Седьмой принц не выдержал ожидания и спросил сам за Лу Цзыяо.

«...» Печальный настрой Лу Цзыяо мгновенно улетучился.

— У вашего высочества в будущем, возможно, больше не будет вкусного молока, — произнес Лу Цзыяо, решив использовать последний шанс и попробовать через этого пухлого малыша склонить си-фэй на свою сторону. — Ваше высочество, матушка-наложница запретила мне быть вашим маленьким компаньоном. Через пару дней я больше не смогу с вами видеться.

Седьмой принц, казалось, понял его слова. В панике и растерянности он принялся кусать свои пальчики.

Лу Цзыяо отнял его ручонки ото рта и строго наставил:

— Вчера ваше высочество снова назвали себя «господином» при матушке-наложнице! Разве мы не договаривались? Нужно называть себя «ваше дитя», «ваш покорный слуга-сын» или просто «я».

Седьмой принц с надеждой и обидой уставился на Лу Цзыяо, потребовав:

— Его высочество еще будет видеть Лу Цзыяо! И через два дня, и через три дня, и через много-много дней...

Строгое выражение лица Лу Цзыяо мгновенно сошло на нет. Он огорченно потискал принца за пухлую щечку:

— Я тоже хочу оставаться с вашим высочеством много-много дней, но матушка-наложница против. Ваше высочество попросит матушку-наложницу оставить меня?

Седьмой принц закивал изо всех сил.

Лу Цзыяо повторил:

— Запомните: перед матушкой-наложницей ваше высочество должно называть себя «ваше дитя» или «ваш покорный слуга-сын», и ни в коем случае не говорить «господин».

Седьмой принц чрезвычайно серьезно дал обещание, однако перестарался: перед полуденным сном он заявил одной из служанок:

— Ваш покорный слуга-сын съест один персик.

Бедная служанка чуть не упала на колени от страха — чтобы принц перед служанкой называл себя «вашим покорным слугой-сыном»...

Манера общения седьмого принца от просто странной развилась до искренне пугающей, и все это благодаря строгому руководству компаньона Лу Цзыяо.

Лу Цзыяо едва не сошел с ума от досады и снова и снова втолковывал пухлому малышу, что никому, кроме Отца-Императора и матушек-наложниц, нельзя говорить «ваш покорный слуга-сын».

<http://bllate.org/book/18379/1766822>